

Александр ШУБИН

НАСЛЕДИЕ РАИ ДУНАЕВСКОЙ: ЛЕНИН,
ДИАЛЕКТИКА, РЕВОЛЮЦИЯ И ГУМАНИЗМ

*(Russia: From Proletarian Revolution to State-Capitalist
Counter-Revolution. Selected writings of Raya Dunayevskaya,*
eds. Eugene Gogol and Franklin Dmitryev. Leiden: Brill, 2017. x, 488 p.)

Alexander SHUBIN

RAYA DUNAYEVSKAYA'S LEGACY: LENIN,
DIALECTIC, REVOLUTION, AND HUMANISM

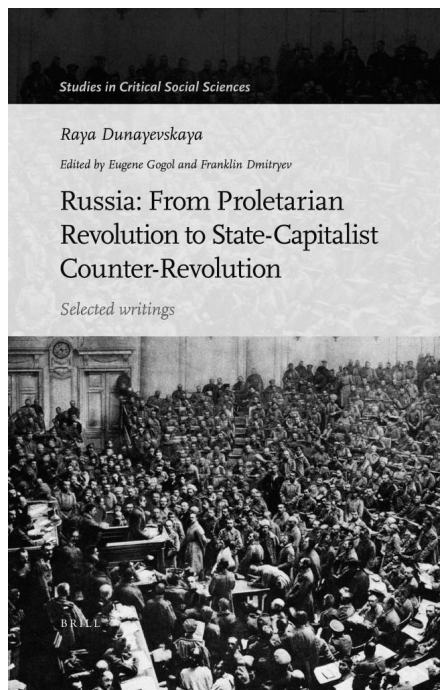
*(Russia: From Proletarian Revolution to State-Capitalist
Counter-Revolution. Selected writings of Raya Dunayevskaya,*
eds. Eugene Gogol and Franklin Dmitryev. Leiden: Brill, 2017. x, 488 p.)

© 2017 Александр Владленович Шубин (доктор ист. наук, гл. научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва) historian905@gmail.com

© 2017 Alexander V. Shubin (Doctor Hab. of History, chief research fellow at Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor at the Russian State University for the Humanities, Moscow) historian905@gmail.com

Имя Раи Дунаевской мало о чем говорит большинству российских читателей, даже интересующихся проблемами социалистической теории. А между тем это серьезный теоретик, с одной стороны — идеолог-ленинец, а с другой — яростный критик практики коммунистических режимов. Ее творчество — своего рода мост от «троцкизма», то есть лево-оппозиционной интерпретации марксизма-ленинизма, к новым левым идеям, но без отрицания важной роли пролетариата в борьбе за коммунизм, характерного для части «новых левых».

В юности Рая Шпигель (Дунаевская — фамилия ее матери) эмигрировала из России в США, где стала коммунисткой. Она

протестовала против высылки Л. Троцкого из СССР, после чего была исключена из КПА. Рая отправилась к Троцкому в Мексику и стала его секретарем. Книга содержит интересные воспоминания Дунаевской о ее жизни у Троцкого, в том числе подробности трагических дней, когда Троцкий и Седова узнали о гибели их сына Льва в 1938 г.

В 1939 г. Дунаевская разошлась во взглядах с Троцким и постепенно перешла к идее «государственного капитализма», о котором писала с 1941 г. Дунаевская формировала свои представления о государственном капитализме в СССР под действием нескольких факторов: размолвка с Троцким

и размежевание с его взглядами, шокирующее впечатление от «пакта Молотова–Риббентропа», изучение советской экономики 1930–1940-х гг., знакомство с философией молодого Маркса и ленинским конспектом Гегеля.

Вместе с С.Л.Р. Джеймсом Р. Дунаевская создала небольшую пропагандистскую группу, известную как «Тенденция Джонсона-Форрест» (по псевдонимам лидеров), просуществовавшую до раскола в 1953–1955 гг. Эта группа не только резко критиковала систему, возникшую в СССР, но и азартно полемизировала с другими течениями и идеями в оппозиционном марксизме-ленинизме — со сторонниками идеи «рабочего государства» Троцкого (Э. Манделем и др.), с М. Шахтманом и его идеей «бюрократического социализма», с югославским ревизионизмом, маоизмом и др. Обсуждая последствия смерти Сталина, Дунаевская разошлась и с Джеймсом. После этого она была лидером небольшой пропагандистской группы «Комитет новостей и писем».

Дунаевская является автором книг «Марксизм и свобода: с 1776 г. до настоящего времени»; «Философия и революция: от Гегеля до Сартра и от Маркса до Мао» и «Роза Люксембург,

освобождение женщин и марксистская философия революции». Но также очень интересна ее публицистика и переписка, которая публикуется в данном издании.

Дунаевская предвосхитила ряд идей «новых левых», считала основными революционными силами не только рабочих, но также движения черных, женщин и молодежи. Она работала в контакте с левыми гуманистами 60-х гг., свою работу 1965 г. «Социалистический гуманизм» написала по просьбе Э. Фромма. В то же время, как видно из сборника ее трудов, от Дунаевской доставалось чуть ли не всем известным теоретикам ее времени — от Троцкого до Маркузе.

Перефразируя известную фразу Ленина, можно сказать, что идеи Дунаевской имели три источника и три составных части. Источниками были гуманизм Маркса (Дунаевская считала, что нельзя резко разделять его ранние рукописи и последующее творчество), ленинская интерпретация гегелевской диалектики и практика левого революционного и коммунистического движения (к последней она относилась прежде всего критически). Составные части учения Дунаевской — это теория государственного капитализма в странах с коммунистическими режимами и перерождение «рабочего государства» в свою противоположность; марксистский гуманизм и ленинская диалектика, влияющая на практику формирования настоящего социализма и революционного процесса, важную роль в котором должны играть движения женщин, угнетенных народов и рас, молодежи и, last but not least, — рабочая самоорганизация.

Государственный капитализм

Ключевая идея Р. Дунаевской — в СССР существует не социализм, а государственный капитализм. Революция 1917 г. привела к образованию рабочего государства, каковым СССР был еще в 1923 г. Но позднее произошла сталинская контрреволюция, и рабочее государство превратилось в свою противоположность — государственный капитализм.

К 1940-м годам апологеты СССР и его правые по взглядам противники сходились на том, что в СССР построен социализм. Его нужно, соответственно, защищать или обличать именно как социализм. Сторонники антиавторитарных социалистических идей в спектре от анархистов и народников до меньшевиков и «троцкистов» считали, что это явно классовое и деспотическое общество нельзя считать социализмом, потому что все классики социализма от Маркса до Бакунина сходились на том, что социа-

лизм — это бесклассовое общество, в котором нет угнетения, эксплуатации и деления на господствующие и трудящиеся социальные группы. Большевикам, народникам и анархистам было проще — им ленинский путь сразу не понравился, и они заявили, что к социализму он не ведет и вести не может. Соответственно, можно считать происходящее либо провалом в архаику, реакцией, либо специфическим путем модернизации, бюрократическим классовым господством и др. Для Троцкого и его последователей, в том числе и разошедшихся с ним, но сохранившими верность ленинизму, проблема была куда тяжелее. Нужно было защищать то, что делал Ленин, и объяснить, почему оно потом «переродилось». Троцкий настаивал, что революция, во главе которой стояли они с Лениным, привела к созданию рабочего государства. Но условия для создания социализма — прежде всего международные — не возникли, и это государство постепенно перерождается, хотя все-таки борьба была не напрасна, и перерождение еще не завершилось. В 1939 году Дунаевская пришла к выводу, что завершилось. Не получилось социализма, значит, Сталин доделал работу капитализма по модернизации и создал государственный капитализм. Кстати, в результате Великой депрессии и на Западе капитализм существенно огосударствился, так что этот процесс носит универсальный характер.

Аналогичные идеи высказывали С.Р.Л. Джеймс, Т. Клифф и другие «троцкистские» и пост-троцкистские авторы — «госкаповцы». Этот взгляд распространен в левой среде и сегодня.

Некоторые антисталинские авторы, такие как Шахтман, пошли навстречу официальной советской идеологии и согласились, что реальный социализм выглядит именно так, как советское общество. Ведь частной собственности в нем нет, значит, это не капитализм, а бюрократический социализм. Дунаевская не соглашается: «Определяющим фактором при анализе классовой природы общества является не то, находятся ли средства производства в частной собственности капиталистического класса или в государственной собственности, а то, являются ли средства производства капиталом, т.е. монополизированы ли они и отчуждены от прямых производителей. Советское правительство занимает по отношению ко всей экономической системе позицию капиталиста по отношению к единому предприятию»¹.

Обе стороны спора признают, что в СССР возникло эксплуататорское общество. Это значит, что употребление слова «социа-

---

¹ Все цитаты из соч. Р. Дунаевской приводятся по рецензируемому изданию. Перевод с англ. мой. — *А.Ш.*

лизм» неуместно. Для определения мысли Шахтмана больше подошли бы термины «бюрократизм» и «бюрократическая система». Или, как предпочитает автор этой рецензии — этатизм или индустриальный этатизм.

Достаточно ли аргументы Дунаевской, чтобы все-таки считать советское общество госкапитализмом? Она приводит очень специфическое, не общеупотребимое понимание капитала как монополизированных средств производства. Но Ленин, авторитет которого признает Дунаевская, отличал монополизированный и немонополизированный капиталы. Отчуждение средств производства от работников — важный аргумент, который роднит СССР и капиталистические страны. Но может быть, перед нами два варианта (капиталистический и этатистский) чего-то еще? При капитализме существует два основных варианта господствующих элит (классов) — частные собственники и чиновничество. Именно частных собственников, а не чиновничество принято называть капиталистами. А ведь и при капитализме чиновничество имеет возможности распоряжаться некоторыми средствами производства и другими ресурсами. Но если государственная система берет в свои руки все производство, то возникшие общественные отношения будут отличаться от капитализма очень существенно, качественно.

Конечно, это спор о терминах, и важно, что подход Дунаевской очень помогает критике официальных коммунистических догм. В то же время он упрощает понимание советского общества. Капитализм мало отличим от этатизма на уровне предприятия, но на макроуровне они ведут себя по-разному, примеров чему нет числа. Дунаевская настаивает, что и в СССР работники лишены собственности. Но ведь и эксплуататоры — каждый в отдельности — там тоже ее лишены, что многое объясняет в их поведении.

Фабричный микромир, этот социально-экономический фундамент, качественно отличающийся от патриархальных аграрных обществ — результат модернизации, перехода к индустриальному обществу. Индустриальное общество может существовать в двух вариантах — капиталистическом (частнособственническим) и этатистском, причем Дунаевская правильно уловила общность этатизма в СССР и США после 1929 года. Но она сделала вывод о том, что в СССР тоже возник капитализм, а можно было сделать и противоположный вывод — США после реформ Рузвельта тоже уходят от капитализма. Когда Дунаевская утверждает, что сталинизм довершал задачи буржуазной модернизации, то понятие «буржуазная» здесь является лишним. Модернизация являет-

ся индустриальной — с буржуазией или без. Советский проект оказался не социалистическим, а модернизационным. И этим объясняется общее и особенное между СССР и США.

Вывод Дунаевской эстетично прост: «Мы живем в эпоху госкапитализма, в котором, с одной стороны, Россия, упорно называет себя “коммунистической”, а с другой стороны, Америка по-прежнему называет себя “свободным предпринимательством”». Эта схема удобна для понимания социального сдвига, происшедшего в XX веке, хотя и не вмещает некоторых важных явлений. И прежде всего, непонятно главное — сам механизм перерождения ленинского проекта «в собственную противоположность».

Защита Ленина

Р. Дунаевская — яростный защитник Ленина от тех, кто пытается выглядеть продолжателем его дела, но недостойн этого. Прежде всего она защищает Ленина от «друзей», а потом уже от врагов. Ленин не несет ответственность за перерождение СССР, ни Сталин, ни Мао, ни Тито не имеют права считать себя ленинцами.

В этом с Дунаевской согласны и «троцкисты», но она решительно освобождается от идейного влияния Троцкого. Рассказывая о жизни Троцкого в Мексике, Дунаевская отдает ему должное как человеку, но не как мыслителю. Он не изучал глубоко диалектики. Его привязанность к итогам революции, к установленному при его участии коммунистическому режиму мешает трезвости анализа, из чего выросло двойственное отношение к происходящему в СССР. «Лев Троцкий как человек будет возвышаться над Львом Троцким как теоретиком», — считает Дунаевская.

Разумеется, апологеты Троцкого бросились защищать своего классика, называя его критика не «товарищ», а «госпожа Дунаевская». Э. Мандель вопрошал: почему же Троцкий, который плохо знал диалектику, пришел к тем же выводам, что и Ленин? Дунаевская без труда показала, что не к тем же, например, в дискуссии о профсоюзах.

Эта важная дискуссия подробно рассматривается Дунаевской, но позиция Ленина толкуется ею апологетически. Она пытается представить его защитником профсоюзных свобод, забывая о теории «приводных ремней». Троцкий, как хорошо известно постсоветским читателям, в этой дискуссии выглядел весьма тоталитарно, намереваясь «перетряхнуть» и подчинить профсоюзы государственному центру, а затем, словно уступая, соглашался с компромиссными предложениями Бухарина. Если бы не апо-

логическое восприятие Ленина, взглядам Дунаевской оказались бы ближе представления А. Шляпникова и рабочей оппозиции. Но она выносит ему осуждающий, хотя и абстрактный приговор: «Интересно, что Шляпников тоже начал и закончил абстракцией рабочего государства... Для него все было простым делом — все, что было необходимо в хаотических условиях 1920 года — передать промышленность соответствующим профсоюзам. Его призыв к “Съезду производителей” игнорировал классовые реалии России и ее отношения к капиталистическому миру вовне... А Ленин — реалист, нельзя вводить рабочее государство в условиях крестьянского большинства и угрозы контрреволюции». Позвольте — так получается, что предложения Шляпникова вовсе не абстрактны. Они несвоевременны, так как внутри страны бурлит крестьянская стихия, а вокруг — капиталистическое окружение. Рабочее государство пока рано вводить. Этим Дунаевская косвенно признает, что на самом деле его и не было в Советской России никогда. Но важно и другое: Дунаевская оправдывает отступление Ленина от рабочей демократии теми же аргументами, которыми сталинские идеологи в дальнейшем оправдывали отступление от коммунистических принципов и идеалов. Не является ли Ленин «отцом перерождения»? Почему Дунаевская оправдывает в позиции Ленина то, что осуждает у Сталина и Мао — отступление от принципов тогда, когда условия для их осуществления не созрели?

Дунаевская отвечает: потому что Ленин видел опасность перерождения. Он считал, что в России все же возникло рабочее государство, но с бюрократическими искажениями. Ленин объявил бюрократию новым врагом, «кричал» об этой опасности. Увы, Ленин не знал, что с ней делать, и Дунаевская конкретно тоже не может восполнить этот пробел марксистско-ленинской теории. Ленин не желал отказываться от причин бюрократизации — авторитарной политической системы и централизованно управляемой экономики. Дунаевская расходится здесь с ним (не говоря об этом прямо), отрицая «плановый фетишизм». Но чем будет заменен план, если при этом бороться и с капиталистическим рынком — остается неясным.

Дунаевская вообще очень доверчиво относится к Ленину, принимает его демагогические приемы за практику, не пытаясь проверять ленинские утверждения анализом реальной политики большевиков, которая нередко была направлена и против рабочих. Дунаевская считает, что «практика для Ленина была практикой рабочих... Ленин разработал для своего времени “новую универсальность”, что население должно было управлять в инте-

ресах человека производством и государством — или это не могло считаться новым общественным порядком. Он писал это в “Государстве и Революции”, и он пытался практиковать это после завоевания власти». Увы, очень многое, что было обещано в «Государстве и революции», не стало частью реальности; в 1918 г. коммунистические отряды разгоняли неугодные Советы, а в 1919 г. власть Советов заместилась властью чрезвычайных и партийных органов. Можно было кивать на гражданскую войну, но и после 1921 г. Ленин считал восстановление советской демократии несвоевременным. Так что реальной власти рабочий класс был быстро лишен уже при Ленине. Дунаевская не анализирует этот негативный опыт, доверяя идеологическим утверждениям Ленина о диктатуре пролетариата.

Дунаевская зачарована ленинским философствованием, красотой его трактовок Гегеля. Философская мысль Ленина помогла ему увидеть угрозу перерождения коммунистического проекта сначала в рабочей аристократии, а затем в бюрократии. Ленин критикует угрозы, но его конструктивные предложения не сработали. Невозможно отрицать, что именно ленинская модель государства переродилась «в противоположность». Если Сталин в отношении Ленина — это контрреволюция в отношении революции, значит, что-то не так было в революции. Только в 1980-е годы в словах Р. Дунаевской начинает звучать критика в адрес Ленина — осторожная и дружественная: «Даже такой постмарксовский марксист-революционер, который глубоко проник в философию — Ленин — тем не менее, не сделал этого проникновения по вопросу организации. По правде говоря, он никогда не отказывался от своей позиции авангардной партии, изложенной в 1902 году в “Что делать?”», хотя он часто критиковал ее сам... В 1982 году в книге “Роза Люксембург, женское освобождение и философия революции Маркса” мы критиковали Ленина политически... Ленин... никогда не поднимал философию непосредственно по отношению к организации».

Таким образом, Дунаевская признает, что Ленин несет долю ответственности за то, что партия была порабощена вождями и поработила Советы. Но ее возмущает, что новое поколение революционеров 60-х годов не всегда хочет идти по ленинскому пути: «Самый печальный аспект нового излияния антиленинизма заключается в том, что некоторые молодые революционеры проявляют себя не такими уж и новыми в своей мысли в тот момент, когда им необходимо перейти от деятельности к философии».

Коммунистические хроники

Дунаевская ищет истоки своих идей не только в наследии Маркса и Ленина, но и в практике освободительного и левого движения. Ее увлекают достижения женского социалистического движения, в частности тот факт, что спонтанное движение рабочих положило начало российской революции в 1917 году. Положительные герои Дунаевской — Р. Люксембург и В. Засулич. Гибель Люксембург — катастрофическое событие в истории коммунистического движения, повлиявшее на судьбы революции в Германии и мире. Чтобы показать, как деградировало коммунистическое движение, она предлагает сравнить Засулич с Е. Фурцевой (впрочем, вероятно, не много зная о масштабе фигуры Фурцевой).

Дунаевская выступала как яркий публицист, комментирующий и анализирующий развитие современного ей коммунистического движения. В принципе, для Дунаевской и западный, и восточный варианты «государственного капитализма» были одинаково враждебны, но именно коммунистические режимы и движения притягивали ее интерес. Нужно было доказать, что они не имеют право считаться марксистскими и ленинскими. Также от Дунаевской достается тем теоретикам (Г. Маркузе, Д. Лукач), которые подтверждают связь между ленинизмом, сталинизмом и другими вариантами государственного коммунизма.

Большое внимание Дунаевская уделяет критике идей Мао Цзэдуна. Через ее оптику виден не только примитивизм и демагогия Мао, но и некоторые его любопытные новации. Мао отходит от экономического детерминизма, двигаясь к пониманию значения культуры, мышления человека. Впрочем, Дунаевская видит в этом очередное извращение марксизма.

Большой опыт анализа коммунистических движений позволяет Дунаевской быстро разглядеть государственный капитализм в новых революционных режимах. В отличие от многих «новых левых», она не поддалась обаянию кубинских революционеров, отметив, что на Кубе слышен голос Фиделя и Че, а не масс. Она объясняет, что левацкий авангардизм — это жажда власти, а не социализма.

Не убеждают Дунаевскую и попытки югославских коммунистов ввести рабочее самоуправление на предприятиях. Она считает, что Тито разорвал со Сталиным, но не с однопартийностью и бюрократизмом. Так называемые рабочие советы в Югославии — это бюрократические организации, так как они не рождены революционным движением масс снизу.

В противопоставлении югославскому эксперименту вырисовывается собственный идеал Дунаевской — постоянный революционный порыв масс, их живая самоорганизация, не вводимая сверху. Дунаевскую вдохновляет Венгерская революция 1956 г. с ее рабочими Советами. Но что делать, когда революционный энтузиазм начнет угасать, когда люди вернуться к ежедневной рутине жизни? Что сохранит новые Советы от перерождения?

Диалектика революции

Дунаевская утверждает: «Надо начинать там, где остановился Ленин. Это незаменимая основа, но не всё... Скорее, нужно понимание того, что новое начинается с прослушивания новых импульсов, возникающих снизу, из практики... Для нашей эпохи новая реальность впервые возникла в Восточном Берлине 17 июня 1953 г. и продолжится не только в Восточной Европе, а по всему «третьему миру» и в технологически продвинутых странах, в майском восстании 1968 года во Франции, и в новых революционных силах в Соединенных Штатах». Они должны сокрушить устои государственного капитализма. Но чем она сможет его заменить? Каковы черты гуманистического общества будущего?

Дунаевская мало говорит о конструктивном идеале. Все формы будут разрушаться и заменяться новыми. Вопрос лишь в том, будут ли эти новые формы совершеннее, чем предыдущие. Но если новое не понравится критику старого, всегда можно сказать, что произошло перерождение, замена на противоположное, откат к капитализму.

Программа Дунаевской — диалектика: «Молодые китайские и французские революционеры, а также движение против войны во Вьетнаме в Соединенных Штатах, Черная революция и движение за женское освобождение — все противоречат слухам о смерти диалектики. Ни сталинизм, ни “десталинизированные” коммунисты, а тем более “авангардисты”, которые пока не имеют государственной власти, а лишь жаждут ее, не могут остановить движение вперед нового поколения революционеров. Поэтому необходимо заполнить теоретическую пустоту, оставленную смертью Ленина». Однако новые поколения коммунистов в основном распределятся между уже существующими тенденциями. Идти за Лениным проще всего авангардистам и ревизионистам.

Всю жизнь Дунаевская надеялась на восстание масс в России. Судьба позволила ей дожить до Перестройки, породившей надежды на обновление социализма в СССР, но не увидеть ее печального финала. Дунаевская умерла в 1987 г.

Когда в 1953 г. умер Сталин, Дунаевская писала: «Мы находимся в начале конца русского тоталитаризма. Это не значит, что государственно-капиталистическая бюрократия отпустит свою железную хватку. Совсем наоборот. Это еще больше сковывает их... На самом деле, это значит, что из центра российского производства, из периферии стран-спутников, угнетенных Россией, и внутри КПСС все противоречия переходят в голову, и открытая борьба будет беспощадной борьбой до конца». Сегодня мы знаем, что эта борьба привела к торжеству не масс, а их угнетателей, сменивших коммунистические лозунги на либеральные и консервативные. Но диалектика не допускает конца истории, человечество продолжает свой поиск чего-то более гуманного, чем капитализм. И наследие Дунаевской — еще одно подспорье для тех, кто ищет путь в гуманистическое будущее.